

В.А. Аксёнов, учащийся

Гимназия № 10 г. Гомеля

Научный руководитель — **А.Н. Аксёнов**, доцент

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации

Великая Отечественная война в судьбе моей семьи

Аннотация. Автор статьи рассказывает о трагических страницах событий Великой Отечественной войны на белорусской земле. Материал посвящен героической и трагической судьбе его близких родственников – прадедов и родных деда Николая и бабушки Марии Аксёновых. Судьба близких родственников рассматривается как важная часть тяжелых испытаний и великого подвига советского народа в годы военного лихолетья. В статье размещены документы из семейного архива.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, геноцид, партизанский отряд, Красная Армия, боевые награды, подвиг

В Республике Беларусь продолжается исследование фактов геноцида фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны. За общими цифрами убитых, замученных и искалеченных наших соотечественников, сожженных фашистами сел и деревень, другими зверствами захватчиков скрываются конкретные события, конкретные факты, конкретные имена жертв и палачей.

Политика геноцида белорусского народа была предопределена еще до вторжения гитлеровских войск на территорию СССР. В зловещем плане освоения территорий на восток от нацистской Германии, получившем название «Ост» (Восток), гитлеровцы предусматривали физическое уничтожение разными способами до 75 % населения Беларуси. С момента оккупации началась целенаправленная реализация кровавых планов. Политика геноцида белорусского народа реализовывалась фашистским руководством во всех временно захваченных регионах Беларуси.

Политика геноцида советского народа осуществлялась фашистами и на родине моих предков в Чечерском районе Гомельской области. Судьба жителей оккупированной Чечерины тесно переплетается и с судьбой моих дедов и прадедов. Погибли на фронте оба моих прадеда.

Своему отцу Акиму Степановичу повестку на фронт принёс в родную деревню Новая Яцковщина мой дед Николай. Он, будучи подростком, дежурил в тот день в сельсовете соседней деревни Глубочица. Накануне войны между деревнями телефонной связи не было. И молодежь из близлежащих к сельсовету деревень по очереди дежурила в сельсовете, выполняя обязанности связных. Ушедший на фронт прадед Аким участвовал в обороне Гомеля, выжил, продолжал воевать до 1944 г., место гибели точно установить не удалось. Семья считала прадеда погибшим с 1941 г. У прадеда было восемь детей. Мой дед был самым старшим. Одна из девочек-дочерей в возрасте четырех лет умерла от тифа. И мой дед болел, но выжил.

Второй прадед Михаил Иванович Хорошкевич, отец моей бабушки Марии, пошел на войну добровольцем из деревни Полесье вместе с односельчанами. Летом жаркого 1941 г. погиб на Брянщине. Его имя увековечено в родной деревне в списках жертв фашистов на мемориальном памятнике.

Мой дед Николай Акимович ушел в 1943 г. в партизанский отряд Балыкова первой Гомельской партизанской бригады, а затем — на фронт. Участвовал в 20-летнем

возрасте в форсировании р. Одер, захвате и удержании плацдарма в ходе Висло-Одерской военной операции, за что получил высшую солдатскую награду — орден Славы. Был ранен, один из осколков снаряда остался на всю жизнь в его плече. Закончил войну под Берлином.

Ил. 1. Памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны в д. Полесье Чечерского района. В списке погибших — имя прадеда автора статьи, фронтовика-добровольца Михаила Ивановича Хорошкевича

У папы я увидел документы из военного архива. В одном сказано, что дед с ранением отправили в полевую госпиталь, а в другом — что место лечения не установлено. Но я горжусь своим дедом и его семьей.

Семью моего дед Николая фашисты и полиция подвергли репрессиям за уход сына в партизаны, издевались, выселили из

собственного дома в сарай, а затем к соседям. Прабабушку Ритину несколько раз арестовывали, держали в подвале под ратушей в райцентре Чечерск, везли на допрос к коменданту. К счастью, она осталась жива и смогла уберечь в годы оккупации своих семейных детей.

Ил. 1. Автор Владислав Аксёнов на местном кладбище в д. Полесье Чечерского района Гомельщины у памятного знака сельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. В списке погибших — прадед-фронтовик М.И. Хорошкевич.

Ил. 3. Памятник прадеду-фронтовику А.С. Аксёнову, погибшему в годы Великой Отечественной войны, и прабабушке Р.Е. Аксёновой в д. Нов. Яцковщина Чечерского района

Ил. 4. Фото, награды и документы деда-фронтовика Николая Акимовича Аксёнова

13 июля 1941 г. фашистские самолеты бомбили Чечерск. Половина домов была полностью разрушена, 42 человека погибли, многие были ранены. В ночь на 14 августа советские войска покинули город, а в 8 утра по его улицам уже разъезжали немецкие мотоциклисты. К 17 августа 1941 г. вся территория Чечерщины была под контролем гитлеровской армии. Начались тяжелые дни оккупации, длившейся два года и четыре месяца. Чечерский район вошел в область тыла группы армий «Центр», где оккупационный режим был очень жестоким. Зимой 1942–1943 гг. была объявлена мобилизация граждан 1925–1926 годов рождения. Полицейские сгоняли молодёжь в Чечерск, а оттуда отправляли в Германию. Всего из района было вывезено 1 378 человек. Моему деду Николаю Акимовичу тоже вручили повестку в Германию, но он успел уйти вместе с другими односельчанами в партизанский отряд, за что потом терроризировали его семью. Вот что об этом известно.

Мой дед Коля, как я уже упоминал, встретил войну подростком. Сначала остался на оккупированной территории. Помогал своей маме выжить вместе с большой семьей. Но летом 1943 г. ему и другим подросткам в деревне Новая Яцковщина (по местному Хитрики) оккупанты вручили повестки на работу в Германию. На сборы давалось примерно десять дней. Уже близко, где-то на реке Сож, была линия фронта. Жители деревни ждали освобождения. А семьи подростков, получивших повестки в Германию, должны были

сделать для себя плохой или очень плохой выбор. Взрослые не спали ночами. Думали, как поступить. Вариант первый — отправить своих детей в гитлеровскую неволю и, возможно, никогда их больше не увидеть. Вариант второй — спрятать детей. Но была опасность уничтожения фашистами всей семьи, а то и всей деревни. Как лютуют каратели, всем было известно.

Неспокойно было и в доме деда Коли. Что делать, не знали. Но можно сказать, что повезло. В одну из ночей в дом пришел за информацией о фашистах и за продуктами двоюродный брат бабушки Ритины. Он был связным партизанского отряда Балыкова. Решение, хотя и небезопасное, было найдено. В одну из ближайших ночей в деревню якобы «неожиданно нагрянули» партизаны. Они, также якобы «насильно», забрали из домов молодых парней, готовившихся к отправке в Германию. Прихватили еще несколько человек для видимости. Построили их на деревенской улице и повели в лес в направлении деревни Глубочица. Позже их переправили через реку Сож в партизанский отряд в районе деревни Осиновка.

О том, что придут партизаны, мой дед знал. Ещё не выздоровел полностью от тифа. Заранее ему собрали все необходимое в дорогу. Так началась партизанская жизнь у деда Коли, и новые проблемы у его семьи. Бабушку Ритину вскоре арестовали. Вместе с другими заложниками отконвоировали в райцентр Чечерск. Ночь они провели в подвале под местной ратушей. Она в центре города. Я ее много раз видел. И вход в подвал тоже.

Бабушку спасло то, что немецкий комендант не был кадровым военным. Да и явных доказательств сговора жителей деревни с партизанами не нашли. Но все равно семью деда Коли из собственного дома немцы или полиция, не знаю точно, выселили в соседний сарай. Им запретили появляться на своем подворье. На прабабушку Ритину несколько раз писали доносы или полиция, или местные «доброжелатели». Всякий раз ее вызывали к коменданту. Там расспрашивали, где муж и сын. К счастью, она осталась жива.

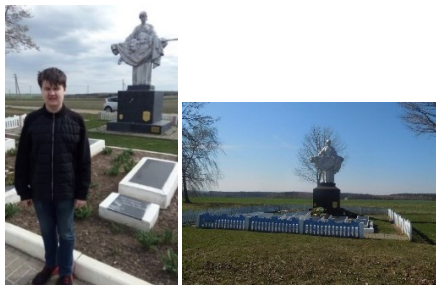
Ил. 5. Современный вид ратуши в г. Чечерске

Сразу после оккупации Чечерского района немецко-фашистскими захватчиками начались грабежи и массовые расстрелы. Зверства чинились в отношении всех, кто помогал партизанам, членов их семей также убивали.

В первую очередь началась ликвидация еврейского населения и цыган. По фашистскому плану «Ост» они подлежали полному уничтожению. Гетто для них было создано в здании городской ратуши и в окружающих домах. Первый массовый расстрел евреев произошёл в ноябре, второй — в декабре 1941 г. Всех евреев и цыган немцы выгнали на улицу, мороз был около 30 градусов. Людей построили рядами и под конвоем немцев и полицейев погнали за город к противотанковому рву в километре от Чечерска. Он находился на въезде в город со стороны Гомеля. Здесь узникам приказали снять верхнюю одежду и лечь лицом вниз. Палачи стреляли каждому в затылок. Младенцев били головами о мерзлую землю. Для захоронения трупов из окрестных деревень пригнали мальчишек возрастом 10–16 лет и заставляли их закапывать убитых. Один из очевидцев, Николай Корхов вспоминает: «Убитых было много: дети, женщины, старики. Вокруг кровь, люди лежат, кого как пуля настигла. Картина страшная. По коже мороз и холод. Нам приказали

закапывать, и мы копали. Собрали мертвых, побросали всех в одну кучу и зарыли. Кто-то был ещё жив, их закапывали живыми, земля шевелилась».

Славянское население Чечерщины расстреливали в том же противотанковом рву, но отдельно от евреев и цыган. Сегодня на въезде в Чечерск на месте тех массовых расстрелов стоят два памятника по обе стороны шоссе.

Ил. 6. Автор статьи В. Аксёнов на въезде в г. Чечерск со стороны Гомеля у Братской могилы на месте массовых расстрелов фашистскими оккупантами жителей Чечерского района в 1942–1943 гг. и могилы пионера-героя Гриши Подобедова. На фото слева — место расстрелов населения еврейской и цыганской национальности.

14 октября 1941 г. по повестке были вызваны в комендатуру пять человек. Их без допроса отвели на кладбище и повесили. Причина неизвестна. К числу массового уничтожения мирных граждан относится расстрел весной 1942 г. партизанских семей. Сто восемнадцать человек были отобраны и помещены в здание ратуши. Их продержали 8 дней, после чего 28 апреля отвезли к противотанковому рву и расстреляли. В этот день также были убиты 54 человека из Новозаречанского сельсовета по подозрению в связи с партизанами.

На протяжении октября–декабря 1941 г. в Чечерске было расстреляно большое количество красноармейцев, которые, вырвав-

шились из концлагерей или окружения, бежали укрыться в родном доме. На них устраивали облавы и группами или по одиночке расстреливали в противотанковом рву, в саду средней школы, в парке, около кладбища. В документах указано, что их количество установить невозможно. Каждый день происходили убийства.

Фашистские нелюди превратили две церкви города в лагерь для военнопленных. Но перед этим они вдоволь наглумились над нашими святынями. Из документов следует, что они уничтожили все плащаницы, 18 икон, написанных монахами-художниками Киево-Печерской лавры в XVIII в., оборвали иконостасы и престолы, не уцелели книги Священного Писания и многое другое. Всех узников расстреливали в сквере возле школы.

Илл. 7. Вид Чечерска в годы оккупации

Из 130 населенных пунктов района фашисты полностью сожгли 14, частично – 56, сожжено и разрушено 3 169 подворий. В Чечерске оккупанты сожгли около трехсот домов. За период оккупации 1 226 мирных

жителей были расстреляны, зверски замучены, повешены и сожжены живьем, в том числе 716 — из других районов республики. В районе была уничтожена практически вся промышленность. Большие потери понесло сельское хозяйство района: разграблено имущество 66 колхозов и 60 школ [1].

В апреле 1942 г. была сожжена деревня Полесье — родина моей бабушки. Из 179 дворов было сожжено 135 с 11 мирными жителями, расстреляны и замучены 15 человек. Сгорел и дом моей бабушки Марии, которой тогда было 12 лет. Часть жителей бросились спасаться в лес. Немцы преследовали, стреляли в безоружных людей. Моей бабушке, тогда подростку, повезло. Одна из пуль попала в корову, находившуюся рядом с ней, бабушка уцелела. А в феврале 1943 г. фашисты сожгли находившуюся неподалеку от Полесья деревню Бабичи, из 257 дворов было сожжено 216.

Нельзя не вспомнить о трагической судьбе жителей поселка Репище. По архивным данным, в ходе карательных операций, которые проходили в Репище во время отступления фашистских войск 14 и 22 октября 1943 г., были уничтожены более пяти-сот мирных жителей. Около двухсот разъяренных карателей ворвались в деревню, согнали в один дом сельчан и подожгли его. По тем, кто пытался бежать, стреляли. Никого не щадя, поджигали все на своем пути. Горели вещи, связанные в узлы, скот, дома, сарай. Панически кричали дети, голосили женщины, но эти крики не вызвали жалости у фашистов. Одна из жительниц поселка Мария Жовнерова пряталась со своими родными в блиндаже. Обнаружившие их фашисты бросили туда гранату, погибли все кроме неё и брата. В результате было сожжено 28 домов, а 37 жителей заживо сгорели.

Фашисты окружили лес около деревни, где в то время прятались около 2 000 беженцев из соседних деревень и других районов. Фашисты начали «зачистку». Убивали

людей без разбора. Трупы не закапывали, а ради забавы по ним ходили, даже по маленьким телам грудных деток. От дикого крика женщин, детей, стариков можно было сойти с ума. Тогда было убито около пяти-сот человек из разных деревень. Остальных они погнали в неизвестном направлении. На тех, кто с трудом мог передвигаться, враги безжалостно натравливали собак. Одному старику, который с трудом передвигался, сначала, отрубили кисть руки, а потом выстрелом в голову убили.

Ил. 8. Памятник сожженным деревням в д. Репище

Ил. 9. Братская могила на Замковой горе в г. Чечерске

Из сотен и тысяч свидетельств, документов, фактов злодеяний фашистских оккупантов на белорусской земле складывается общая картина народной трагедии белорусов, то, что мы называем геноцидом белорусского народа. В народной памяти новых поколений белорусов эта трагедия будет оставаться до тех пор, пока они будут знать о фактах геноцида не только в нашей республике, но и на их малой родине по отношению к их предкам.

Мой папа однажды мне сказал, что я один из немногих нынешних детей-подростков, кто без обмана может сказать, что мой родной дед, а не прадед и не прапрадед, пережил оккупационный фашистский режим на белорусской земле, побывал в рядах партизан, а затем был солдатом-фронтовиком, «понюхал фронтового пороха». Я этим не хвастаюсь, но горжусь.

Библиографический список

1. Гончарова Т. Ничего, кроме правды. Дело о геноциде // Чечерский вестник. 2022, 5 августа. С. 2.
2. Аксёнов В.А. Чечерский район Гомельщины: по следам геноцида фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны // Инновационный потенциал молодежи в современном мире: матлы Междунар. науч.-практ. конф. студентов и учащихся, посвященной Году качества в Республике Беларусь, Гомель, 17–18 апреля 2024 г. Гомель: Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, 2024. С. 355–358.